

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Випшевского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 6 (857)

30 января 1940 г., вторник

Цена 30 коп.

Чехов и наше время

12 октября 1903 года, незадолго до смерти, Чехов жаловался в письме к О. А. Кеннер на то, с каким трудом писался «Вишневый сад», а уже через два дня, 14-го, он пишет:

«Завтра скажешь писать рассказ, не спеша. Мне не верится, что я уже не пишу письма. Верить ли, два раза переписывал начесть».

Тяжело больной, одинокий человек, страдающий и морально и физически, он копает пещу и тотчас же садится за рассказ.

Это был настоящий трудовой героизм, совершенно не оцененный в то время.

Стало уже банальным в тысячный раз доказывать, как мало понимали и плохо понимали Чехова его современники. Но от этого факт не перестает быть фактом.

Вероятно, ни об одном писателе не было сказано столько глупостей, как о Чехове. Еще совсем недавно, в 1930 г., в предисловии к «Полному собранию сочинений А. Чехова» Фриче позволял себе написать, что Чехов был просто импрессионистом и не мог подняться (конечно!!) до романа и что повесть его «Три года», как известно, слабая вещь. (Как известно, это вещь гениальная).

Но не будем вытаскивать из книжной пыли всю эту захламленную псевдо-научную болтовню, от которой просто тошнит, когда ее вспоминаешь.

Сегодня — большой день. исполнилось 80 лет со дня рождения Чехова. Чехов признан и любим миллионами читателей, и уже никому не придет в голову отрицать, что Чехов был великим реалистом, как не придет в голову полемизировать с его художниками.

У нас знают и любят все, что написал Чехов. И с каждым годом все больше знают и больше любят.

Телеграфист Ять и Мерзуткина, старый Фирс и профессор Серебряков, саловод Песочник и милая Мисья, приказчик Потаткин и Еликолов, сановник Орлов и писатель Тригорин, — все это не просто действующие лица, а острые, отчетливые, запоминающиеся на всю жизнь характеры. И, что самое замечательное, их можно привести на одну сотню. Во всем, что создал Чехов, нет ни одной неясной фигуры, которая расплывалась бы в сознании читателя, была бы раз и навсегда забыта. Даже самое маленькое действующее лицо, произносящее в рассказе или пьесе всего лишь одну фразу, — и то запоминается на всю жизнь, как запоминаются чеховские сюжеты, отдельные словечки или смешные фамилии.

Сколько героев из толстых романов с красивыми, благородными фамилиями (из тех, какие актеры любят брать себе в псевдонимы) русский читатель забыл, а вот малая Редька с его сентенцией «ржа ест железо, а жажда — душу» или мальчишка Папу, который на приглашение «Пава, изобрази», отвечал — «Уми, несчастная!» — забыть невозможно.

С каждым днем просветляется образ Чехова, светлеет, теплеет, становится значительнее.

Сначала видели в нем лишь автора маленьких юмористических рассказов, которые, внятые ли, — «не литература». Потом Чехов превратился в «певца русских сумерек».

Как ненавидел Чехов эти беззастенчивые и пошлые ярлыки! Как ненавидел Чехов вообще всяческую пошлость, как тонко различал он ее, с какой тщательностью исследовал и препарировал на своем письменном столе!

Мог ли думать Чехов, что через каких-нибудь сорок лет его гениально найденным и вытисненным из жизненного болота Великовым товарищ Сталин будет бить врагов народа, врагов коммунизма!

То, что было принято называть у Чехова «мятлым юмором», оказалось юмором гневным, обличительным.

Да и сейчас еще находятся люди, которые повторяют банальнейшие фразы:

«мятлый чеховский юмор», «специальный чеховский смех» и прочее и прочее.

Нет! В нашем сознании живет и будет жить не такой Чехов. Живет и будет жить Чехов гневный, Чехов решительный и, если хотите, беспощадный в своем творчестве.

Для нас, строящих государство коммунизма, Чехов — верный друг и помощник. Потому что коммунизм — это враг всякой пошлости, в какие бы одежды эта пошлость ни рвалась. Чехов учит нас, как отыскивать пошлость, как классифицировать ее, не забывать и уничтожать ее.

Чехов и коммунизм!

Что может быть общего между Чеховым, которого долгие считали, так сказать, беспартийным интеллигентом в пенсне, и коммунистическим обществом, к которому мы стремимся? Что общего между Чеховым, едва ли читавшим Карла Маркса, и коммунизмом, научному обоснованию которого Маркс посвятил свою жизнь?

Как будто бы ничего общего.

Но как получилось, что чем ближе мы подходим к коммунизму, тем ближе и дороже становится для нас Антон Павлович Чехов? Как получилось, что любимейшим и наиболее близким круга читающей интеллигенции — Чехов стал одним из любимых писателей народа?

Скажут, повысился культурный уровень народа, государство стало издавать много книг, а народ стал много читать. Это так. Но не только в этом дело.

Дело в том, что Чехов был человеком будущего, жил и творил для этого будущего, не зная и не думая о том, что оно собою представляет, в какие формы оно отольется. Он мечтал о нем непрерывно, говорил о нем, фанатически верил в него.

Но он не только верил. Он делал дело будущего и продолжает делать его после своей смерти. Его абсолютная писательская честность, беспрерывные поиски нового, титаническое трудолюбие — образец для советской литературы. Его бессмертные типы — Беликовы, Пришибеены и Попрыгуньи — предостережение нам, строителям коммунизма.

В его прекрасном рассказе «Невеста», в этой любовной песне гения, студент Саша, умирающий от чахотки, вытаскивает из мешанского болота хорошую девушку Наю, вытаскивает ее для новой жизни. Вероятно, Саша знал, что умирает, что никогда уже не будет для него новой жизни; но других он тянул туда, тянул упрямо, настойчиво.

Последний раз Наю, уже столбчатая курьесетка, увидела Саша, и ей стало ясно, что он умирает.

«Милый Саша, — сказала она, — вы очень, очень больны. Я бы не знала что делала, чтобы вы не были так больны и худы. Я вам так обязана! Вы не можете даже представить себе, как много мы сделали для меня, мой хороший Саша!»

«От Саши, от его слов, от улыбки и от всей его фигуры веяло чем-то отжитым, старомодным, давно спетым и, быть может, уже ушедшим в могилу».

Но что же сказал ей этот чудесный человек, вытаскивший ее в будущее, этот старомодный, почти ушедший в могилу человек?

Сказал, что едет на Волгу (он всегда куда-нибудь собирался).

«...А со мной едет один приятель с женой. Жена удивительный человек; все обману ее, уговаривая, чтоб она училась пошла. Хочу, чтобы жизнь свою перевернула».

Саша не мог не тянуть людей в будущее, как не может не петь печная птица. Он просто был человеком будущего, хотя и жил в прошлом.

Таким вот великим и бескорыстным «вытаскивателем в будущее» был и остался для нас Антон Чехов.

Вот почему в наше время, когда страна освобождается от пережитков старого общества, от Беликовых, Пришибееных, от пошлости человеческой, — истинный облик гениального Чехова раскрылся во всем своем величии.